

Православие – свидетельство истины. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Православие – свидетельство истины. Архимандрит Софроний Сахаров.

Предисловие.

Этот материал представляет собой тематическую подборку писем о Софрония, относящихся ко времени его пребывания на Афоне. Они адресованы англичанину Давиду Бальфуру, принявшему православие, а затем монашеский постриг с именем Димитрий и священный сан (впоследствии снял с себя сан и перешел на дипломатическую службу). Жизнь Д. Бальфура была полна противоречий, о которых до сих пор не умолкают споры в церковных кругах Англии и Греции. В настоящее время готовится полное издание переписки о Софрония с Д. Бальфуром, которая выйдет отдельной книгой под названием "Подвиг Богопознания. Письма с Афона". Подготовка к публикации иеродиакона Николая (Сахарова)

О единой Церкви

В настоящее время значительная часть христианского мира склоняется к принятию одной из опаснейших ересей, которая состоит в том, что якобы нет в настоящее время ни одной церкви, которая в полноте сохранила истину учения Христова, в полноте обладает ведением тайны святой благодатной жизни христианской в отношении нравственно-аскетическом, что многие из церквей, именуемых Христовыми, имеют равную благодать, и поэтому должно произойти соединение церквей на какой-то общей всем им программе. Один из самых частых вопросов, с которым приходится встречаться, – это вопрос о том, кто спасется и кто не спасется. Обычно эти люди думают, что спасется не только православный (по учению Православной Церкви), или не только католик (по учению Католической Церкви), но и все вообще добродетельные люди, верующие во Христа. Это мнение от протестантов перешло и к верующим других церквей; есть многие среди православных, держащихся этого мнения. Некоторые думают, что ни за одну из существующих ныне церквей нельзя признать полноту ведения и благодати, так как каждая из них в той или иной мере уклонилась от истины; что они (сии мудрецы) только теперь "на конец веков" постигли вполне дух учения Христова, а что до сих пор весь христианский мир в течение стольких веков заблуждался; что теперь пришло время, когда нужно соединить все расколовшиеся части во единую соборную и апостольскую Церковь, которая будет вполне истинствовать во всех отношениях, если при этом соединении будет принято только то, что является общим всем церквам. Некоторые, что еще хуже, помышляют в сердцах своих о каком-то особо высоком мистическом сверхцерковном понимании христианской религии, которое – ...не буду обо всем этом говорить. Для того только уклонился в эту беседу, чтобы сказать Вам, что мне так хочется (и Богу молюсь об этом), чтобы Вы не прельстились этим всем, но твердо в сердце и уме убеждены были в том, что существует на земле та одна единая истинная Церковь, которую основал Господь, что Церковь эта хранит неповрежденным учение Христово, что она во всей своей совокупности (а не в отдельных членах своих) обладает полнотою ведения и благодати, и непогрешима. Что то, что некоторым кажется неполнотою в учении, есть не иное что, как еще остающаяся возможность научной разработки неисчерпаемого бесконечного богатства ее, что, однако, нисколько не противоречит сказанному выше об обладании полнотою ведения. Выраженное на Вселенских Соборах в окончательной форме учение Церкви – не может быть подвергнуто никаким изменениям, всякая дальнейшая работа ученая должна обязательно согласоваться с тем, что уже дано в Божественном откровении и учении Церкви Соборной Вселенской. Так же и в отношении благодати; полноту благодати может иметь только одна, единая Церковь, все же другие, имеют благодать за веру во Христа, но не в полноте. Можно верить и в то, что даже в наше время есть люди, которые по благодати Святого Духа равны древним великим святым (говорю это в связи с тем, что мне приходилось слышать о некоторых людях в России), ибо Христос днесь и во веки Тот же. Все это истина. Если кто отойдет от этой веры, тот не устоит...

Афон, 3/16 декабря 1932 г.

О неизбежности скорбей на пути ко спасению

Человеку, находящемуся в столь тяжком испытании, какое выпало на Вашу долю в настоящее время, писать крайне трудно, особенно это трудно мне, при тех отношениях, которые существуют между нами, вернее потому, что все выпадающие на Вас неудачи и скорби падают по моей вине.

И если бы возможна была вера в то, что я хочу Вам сказать теперь, то еще возможно полное исправление, полная победа. Но как можно ожидать от Вас

Православие – свидетельство истины. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
этой веры ко мне теперь, после всего, что случилось уже с Вами?

Я еще удивляюсь Вашему великодушию и мужеству – как Вы еще не соблазнились вконец. Но если все-таки мы будем говорить не как младенцы, но как достигшие хотя бы по плоти мужского возраста, то я решусь Вам сказать, что думаю, действительно думаю, не ложно, не ради словесного утешения.

Христианин никогда не сможет достигнуть ни любви к Богу, ни истинной любви к человеку, если не переживет весьма многих и тяжких скорбей.

Благодать приходит только в душу, которая исстрадалась. То трагическое положение, в котором оказались Вы теперь, не неведомо мне. Я сам до сих пор ясно помню ту невыразимо тяжкую брань, которую имел я в миру с врагом, в Париже особенно. Частично расскажу Вам.

Бывали случаи, иду из церкви домой, и так хочется пойти куда-нибудь к знакомым, поговорить, развлечься, что нет сил, кажется, вернуться к себе домой и быть там одному.

Но все-таки крайним напряжением воли прихожу к себе в комнату, и тогда почти падаю на землю в изнеможении от тоски и уныния, готовый землю скрести ногтями. От боли сердечной готов плакать, да и плакал. И только молитва спасала и водворяла мир в сердце. Зато такой мир, которого раньше и не подозревал возможным, какой на сердце мое не приходил дотеле. Бывали многократно такие случаи. Иду откуда-нибудь домой. Хочется зайти в Safe; но я борюсь с этим желанием. И что же? Вдруг как-то непонятным для меня самого образом чувствую себя как бы потерявшим волю, и положительно как скотину на веревке кто-то невидимый ведет меня в сторону Safe какого-нибудь. Даже жутко становилось. Только Господь знает, да пережившие подобные же искушения, с какой болезнью, с каким невероятным трудом приходилось побеждать эти бессловесные желания.

Или, помню, с такую же силою влечет куда-нибудь в кинематограф или еще куда-нибудь, в такие места, которые меня, по существу говоря, никогда не удовлетворяли. Но зато, когда приходишь домой, то, если никуда не зашел, молитва бывает, как огонь.

То что Вы пишете, мне так понятно. Все что хочешь буду делать, только бы не молиться. Тогда я понял силу слов Отцов, что нет дела тяжелее молитвы. Но когда преодолел человек искушение, молитвою же, то последняя бывает так сладка, как ничто иное в мире. И путь этот воистину скорбный, тесный, и немногие, по слову Господа, обретают его.

Моя глубокая вера, – если Вы (это для всякого человека) не переживете тех скорбей, нищеты, унижений, быть может голода, совершенной оставленности всеми – и людьми и даже Богом: "Боже мой, Боже мой, вскую оставил мя еси", – то никогда не познаете любви Божественной. Сердце, не сокрушившееся от ударов скорбей и не смилившееся в конец от нищеты всякой (и духовной, и телесной), не способно принять Божию благодать. Последняя покупается весьма дорогой ценой.

Когда нас борет враг, пользуясь самым естеством нашим, желанием любви человеческой – душевной, а иногда и просто животной – плотской, то будем, подобно Марии Египетской, пав на землю, умолять Бога, чтобы Он нам по милосердию Своему дал познать Свою Божественную любовь взамен той плотской человеческой, от которой мы ради Него отрелись.

Но молясь так, надо молиться только до того момента, когда угаснет всякое желание плотской любви и водворится мир в душе и теле. Большого не надо искать, чтобы не впасть в искушение, в "прелесть".

Если можно, терпите, дорогой. Поругайте меня, виновника Ваших бед, но терпите.

Верите ли Вы, что так сказать Вам дерзаю потому только, что, во-первых, люблю Вас, а во-вторых, и сам я познал подобные Вашим скорби.

Если хотите царствовать со Христом, то побеждайте страсти. Иного пути нет – ведь это только "искушение". Я никогда не поверю Вам, что Вас может удовлетворить что-либо в мире сем. Театр, кино, Safe и тому подобное – все это только для детей, неразумных сердцем..

Жизнь по заповедям Христовым – воистину Голгофа. И это такой путь, что вступивший на него, если не будет побеждать молитвою все нарастающие трудности и отступит, вспять возвратится, то и там, куда он возвратился, то есть в мир (то есть жизнь по страстям), не найдет он радости той, какую имеют люди мира сего, – не познавшие Бога.

В прошлую, последнюю Великую войну часто, посылая в атаку солдат, начальство ставило пулеметы сзади наступающих, или офицер шел с двумя револьверами в обеих руках, чтобы всякого малодушного и готового отступить расстрелять. Таким образом получалось для атакующих что спасение и жизнь только впереди, если победишь врага. У нас, монахов, положение подобное этому. Наше спасение во всех смыслах только впереди.

Когда скорби души моей, все возрастая, достигли, кажется, апогея, тогда я, не путем отвлеченных философских рассуждений, но живым и глубоким чувством сердца познал цену человеческой души, то есть что она дороже всего мира.

Страдания столь великий плод приносят, что, если бы мы были поразумнее, то не желали бы "сойти со креста". Одному иеромонаху нашему явился во сне Господь распятый на Кресте и сказал: "С Креста не сходят, а снимают". И эти слова Господь повторил трижды. И затем видение кончилось.

Я бы рассказал Вам еще нечто, но боюсь предварить Ваш опыт жизненный. Об одном молюсь, чтобы Вы не убоялись нашедшей тучи.

Жалею, что Вы редко пишете старцу своему. Посмотрите в конце 32-го Слова у Симеона Нового Богослова, как он советует своему ученику писать чаще, так как при этом он (преподобный Симеон) будет молиться за него теплее. И это верно, потому что при долгом молчании то, что окружает, ослабляет молитву за того, кто дальше. Кругом, куда ни посмотришь, скорби. И то, что на глазах, то сильнейшее сочувствие к себе вызывает. Только когда в мире и относительно благополучии будете, тогда писать можно реже, а когда у Вас скорби и брань тяжкая, то не надо медлить, пишите отцу Силуану, и верую Богу, Вы получите помощь. Положение Ваше особенно трудно потому, что Вы пребываете в единоборстве с врагом.

И это прежде, чем научились бороться со страстями. Но и научившиеся (относительно, конечно), побеждают их подвигом и трудом. Иоанн Златоуст блудную страсть называет нашим мучителем беспощадным, который почти до глубокой старости на всякий день терзает нас. Надо полюбить болезненное состояние тела, чтобы найти относительный покой от этой лютой страсти.

Жестоко слово сие, но что поделаешь. Лучше, по слову преподобного Исаака Сирина, нам умереть в подвиге, чем, поддавшись страстям, потерять образ человеческий, изменить Христу.

Христианин обязательно должен быть подвижником. Тем более монах, иерей. Возненавидь себя, начни себя мучить не только воздержанием от страстей, но и противлением им, то есть наступлением на них, и сразу почувствуешь облегчение. Как бы свет некий в душе появится. Василий Великий, Иоанн Лествичник говорят, что приятнее произвольное страдание, чем невольная бессловесная радость.

В зависимости от того, как человек живет, складываются и внешние обстоятельства его жизни. Иногда по причине наших внутренних ошибок или, наоборот, исправлений, изменяются к худшему или лучшему и внешние условия жизни...

Слава Богу за все.

Будем терпеть.

Таков наш путь.

Преткнулся – встань.

Пал – подымись.

А отчаиваться никогда не нужно.

О вечности

Шлем Вам свой Пасхальный привет и наилучшие пожелания. И старец отец Силуан, и я всегда помним и любим Вас.

Как монах я располагаю возможностью выражать свою любовь прежде всего молитвою. Быть может, это наиболее существенная форма выражения любви, потому что она и нас, и все наши отношения переносит в иной мир; молитвою преобладает разделение не только местное, но и душевное. Однако и привет в письменной форме имеет свою силу и тоже в известной мере заменяет живое общение.

Я давно Вам не писал. Теперь по случаю Пасхи Христовой хочу поделиться с Вами, как с близким родным, надеждою на то, что и мы в назначенный Отцем Небесным час воскреснем для вечной жизни. В этом году с самого начала января я сильно болел. Смерть много ночей в упор смотрела мне в глаза. Как смущается душа и как скорбит она в эти часы, описать, кажется, невозможно.

Тягостнейшие искушения ураганом находят на душу во время этого жуткого состояния на грани жизни и смерти, когда приближается решение вечной участи, страх овладевает душою. Только мысль о распятом Спасителе укрепляет ее.

В какие-то минуты изменяется сердце, приходит любовь, и тогда душа готова оставить этот мир без малейшего сожаления. Сожаления, впрочем, нет и до прихода любви, но тогда страх от предстоящего Божиего Суда, страх от чаемого осуждения и отвержения заставляет как бы держаться еще за эту жизнь, в надежде, что еще что-то сделаешь для своего спасения. За последние 20 лет моей жизни я много раз бывал близок к смерти, но столь тяжелые искушения, какие выпали на меня в этом году, бывали редки и не столь продолжительны. В этом году снова с большою силою я переживал, что наша земная жизнь есть исполненное тяжелой борьбы стояние на грани бытия и небытия, стояние между раем любви Божией и адом оставленности Богом.

Однако, как бы ни были тяжелы наши страдания здесь, в глубине души таится сознание их глубокого смысла. Я люблю размышлять о смысле страданий, люблю размышлять о вечности. Мне думается, что наша земная, временная жизнь для нас неизбежно должна быть страданием. Время – образ изменчивого бытия. Во всяком изменении есть элемент страдания.

Мы люди, принадлежа одновременно, вернее, параллельно двум мирам – горнему и дольнему, во все течение земной жизни как бы раздираемся. Стремимся к вечной жизни, имея пред собой образ Божественного бытия, неизменного в своем совершенстве, и вместе погружаемся в заботы о земном, не в силах будучи презреть потребности и этой жизни. "Чаю воскресения мертвых". Только она, эта чаемая вечная жизнь, – есть подлинная жизнь.

Вечность приходится представлять себе не как продолжение времени в бесконечность, но как единый непротяженный акт полноты бытия. Вечность объемлет всю протяженность времени – сама же протяжения не имеет.

Мы чаем приобщения вечной жизни. Но, по смыслу вещей, становясь вечным, человек становится не только бессмертным, но и безначальным. Святитель Григорий Палама так мыслил, ссылаясь на Святых Отцов.

Отсюда ясно, что вечность есть иной образ бытия, причем такой, к которому выработанные нами в пределах эмпирической действительности понятия протяженности и последовательности, понятия начала, конца, до, после – не могут иметь приложения.

Вечная жизнь – это духовная жизнь.

Вечность – это мир чистой мысли и нравственности в их нераздельном единстве. Но чистую мысль и нравственность должно понимать не только в смысле психологическом, как субъективное переживание человека, но и в смысле онтологическом, как объективно сущее, – то есть Ум и Любовь Божества, то есть Христовы Любовь в Премудрости, и Премудрость в Любви. И если это соответствует истине, то подлинно вечен Един Бог, а мы лишь постольку, поскольку пребываем в Боге и Бог в нас пребывает. Когда же "Бог

Православие – свидетельство истины. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org единообразна, проста. Однако имеет бесчисленное множество различных проекций. Причина различия проекции Единой простой Истины – различие воспринимающих поверхностей. Они Вам ближе. Этим отчасти я объясняю то, что Вам среди них "легче дышать", что они Вам более "по душе". Но разве хотя бы даже я с самого начала не говорил Вам, что это Ваш путь?

Вы пишете: "прошу, не вступите в спор со мной".

Вы так недавно были свидетелем моего ничтожества, что я теперь потерял силу, смелость или дерзновение говорить с Вами о духовной жизни.

Более, чем кто либо, я хожу"???????" – окольными путями. Смее ли я открыть рот? Не скрою, на сей раз мне трудно Вам писать.

В Воскресенье 6/19 апреля я снова ходил к отцу Силуану, говорил о Вас. Я хотел несколько подробнее познакомить его с тем, что Вы писали. Сокращенно приведу Вам нашу беседу.

Я: "Отец Димитрий смущен противоречиями в Ваших советах и благословениях. То Вы благословили ему возвратиться во Францию, то годами жить в Иерусалиме".

Отец Силуан: "Первый раз, когда он меня спросил, – я молился Богу; – вышло ему возвратиться во Францию. Сказал ему. Он, вижу, не хочет. Хочет в Греции; я молился, – сердце не слагается. Он захотел в Иерусалим. Пусть едет. Ведь он, как дитя. Я, как нянька, удерживал его от беды, чтобы он голову не сломил. Но пусть он живет в Греции. Это даже интересно для опыта".

Я: "А что если этот опыт будет "горький"?"

Отец Силуан: "Что поделаешь".

Я: "Отец Димитрий считает лучшим, если он будет решать такие вопросы сам".

Отец Силуан: "Пусть, пусть. Мы его свободы не отнимаем. Это еще хорошо, что он написал письмо. Он только свободы ищет; но это не в первый раз мне наблюдать. Некоторые спрашивают совета; им скажешь; они не хотят послушаться, им тяжело это; так они начинают даже враждовать. Вот отец Х. сколько лет не перестает против меня идти, а раньше ходил. Сколько таких случаев".

Я: "Союз ученика со старцем – добровольный и в этом смысле свободный. Если отец Димитрий находит неудобным для него следовать некоторым Вашим советам, хочет решать такие вопросы сам, то тем самым делает свободным и Вас. Связь порывается".

Отец Силуан: "Он сам меня назначил своим старцем. Мне уже нельзя было отказаться. При постриге Владыка передал его мне заочно... А теперь я считаю, что нужно еще потерпеть. Само дело покажет".

Я: "Отец Димитрий говорит, что неправильно спрашивать у старца указаний на такие подробности (детали), как например, где жить, куда ехать. Нельзя же пользоваться старцем как оракулом".

Отец Силуан: "Что же он, наши молитвы сравнивает с оракулом? Дешево же он нас оценил".

Пусть он живет по-своему, как хочет. Опыт его научит. Он потерял веру, а без веры пользы не будет. Получится как в песне про Луку ("К тебе за советом приехал я, кум", и так далее)".

Я: "Отец Димитрий просит меня "не вступать с ним в спор" ".

Отец Силуан: "Какая нужда нам спорить. Напишите ему, что мы не будем его разубеждать. Когда я увидел, что он не хочет послушаться совета, то в конце я ему сказал, что пусть живет, где хочет, лишь бы хранил себя, жил по-монашески. Время, говорю, трудное. Я видел, что если с ним поступить строго, то он возмутится".

Вспомнили мы:

"Учителю, что сотворю?" Господь: "Заповеди веси". Юноша: "Это я от юности все знаю. Скажи мне большее". Господь, возлюбив его, рече: "Продай имение... и следуй за Мною". Он же, "дряхл быв, отъиде скорбя".

Из Патерика. К Пимену Великому пришел брат просить благословение устраивать вечера любви для братьев-монахов. Преподобный благословил. Старший брат преподобного Пимена – Авва Анувий, узнав, сделал замечание Пимену за немонашеский совет. В другой раз пришел тот же брат к преподобному Пимену. Святой, уже в присутствии Аввы Анувия, спрашивает: "Ты зачем приходил в прошлый раз?" Ответ: "За тем-то". Преподобный Пимен: "А я что тебе сказал?" Ответ: "Ты благословил". Преподобный Пимен: "Это я по ошибке. Невнимательно выслушал. Немонашеское дело устраивать вечера любви. Оставь это". Брат, со скорбью: "Я другого ничего делать не могу", – и ушел. Тогда Авва Анувий: "Прости". Преподобный Пимен: "Я видел, что он не послушается, если ему запретить, потому и благословил, чтобы он делал это с мирною душою".

К Антонию Великому пришли братья, спрашивают: "Как спасемся?". Великий Антоний: "Делайте то-то". Ответ: "Не можем". Преподобный Антоний: "Делайте тогда то-то". Опять ответ: "Не можем". В третий раз святой: "Ну тогда делайте то-то". Ответ: "И этого не можем". Преподобный Антоний к своему послушнику: "Свари им кашу и отпусти с миром". И Священное Писание говорит, что и пророки дают советы "по сердцу" вопрошающего.

Я не хочу Вас опечаливать. Но Вы сами подняли вопрос о противоречиях в советах старца отца Силуана. Если бы Вы действовали с верою по первому совету, то не имели бы места противоречия<...>

Сказал я отцу Силуану и еще одну вещь. Говорю: "Мне очень трудно писать или говорить отцу Димитрию, когда я вижу, что он нас понимает по-своему. Он думает, что наши советы объясняются тем, что мы заинтересованы удержать его в Русской Церкви. Некоторые действия наши он понимает не как желание ему помочь, а, скорее, наоборот".

Отец Силуан: "У меня никогда и в мыслях этого не было. Для меня все равно, что греки, что французы, что русские, что евреи. Я всем желаю только спасения. Заступаться за Русскую Церковь я тоже никогда не думал. Он спросил меня, что делать, куда ехать? Я по молитве сказал ему. А по-человечески я не знаю, где какие условия".

Афон, 7 (20) апреля 1936 г.

О познании воли Божией

Затем мы[2] вообще говорили о том, как познается воля Божия и каких видов она бывает. Можно сказать, в мире все без исключения совершается по воле Божией, и не будет ошибки.

Однако благочестивые люди никогда не переставали искать волю Божию. Здесь имеется в виду, конечно, воля Божия "благая, угодная и совершенная" (Рим. 12:2). Способный совершеннее познавать сию последнюю – поставляется выше. На этом принципе построена Священная Иерархия (Дионисий Ареопагит).

Старец Силуан (и тем более я) не претендуем на обладание сим великим даром, и потому не можем не отступить, когда высший нас свидетельствует иначе, чем мы. Противиться воле Божией мы не дерзаем. Дерзание становится тем более трудным, чем в большей мере человек сознает свою ответственность пред Богом за данный совет или указание. А мы все-таки боимся Бога. Теперь нам лучше. Мы покойны и рады за Вас, потому что и мы для Вас не искали ничего, кроме воли Божией. Нам лучше еще и потому, что теперь ответственность в случае ошибки в большей мере ложится на того, кому Вы последовали.

Итак, по Вашим письмам видно, что общими усилиями найдена воля Божия. Да будет с Вами Господь. Трудность искать волю Божию состоит в том, что нет внешних признаков, по которым с определенностью можно было бы решить этот вопрос. Ни благоприятно складывающиеся обстоятельства, ни, наоборот, скорби и трудности не являются окончательным критерием.

Есть еще одно обстоятельство, помимо приведенных Вами в письме, лишаящее возможности быть настойчивым и требовать послушания. Воля Божия нередко ведет на Голгофу. Кто это сознает, кто сам ходил этим путем, тот вряд ли

Православие – свидетельство истины. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org решится быть настойчивым и повелительным.

Афон, 17–18 (30–31) мая 1936.

Монашество как форма любви

Теперь Вы для меня служите опорой вследствие более полного взаимного понимания; и то, о чем я раньше не решался говорить, дабы не соблазнить или не напугать, теперь стало в центре Вашего внимания. Все-таки нас так мало (малое стадо), что каждый отдельный человек, готовый пойти по этому скорбному и тесному пути, является большою нравственною поддержкою для изнемогающих и малодушных подобно мне...

Я действительно изнемог. Я, несмотря на то, что не имел "иллюзий... о легкости духовных достижений", все же встретил трудности, превосходящие все мои предположения, и убедился в своем ничтожестве, размеры которого от меня раньше были сокрыты.

Я сознаю величие монашеского пути, а осознание своей ничтожности, обнаружившейся довольно скоро на этом пути, породило во мне сомнение в правильности избрания мною его. Могу сказать, что я своего призвания не нашел, не понял, не услышал. Однако я сознаю совершенную невозможность для меня идти иным путем, найти иную форму служения Богу и ближнему. Ты влек меня, Господи, – и я увлечен, Ты сильнее меня – и превозмог (Иер. 20:7).

Таким отрицательным образом решается вопрос о мне. Я не хотел, потому что сознавал трудность, и вместе увлекался. Я упорно противился Богу, но Он нашел способ принудить меня. И теперь мне непосильно тяжело; я положительно раздавлен. Причина болезни внутри, поэтому невозможно облегчить мое состояние изменением моего внешнего положения и условий. Так снова отрицательным образом решается вопрос и о месте моего пребывания.

Вчера (5/18 сентября) уехал от нас игумен отец Иоанн (Шаховской). Жалею, что он не остался у нас на больший срок, не дал нам насладиться его обществом. Это человек какой-то особой чистоты, как ангел; благодать Божия очевидно почивает на нем. Он как-то по-детски открыто любит Бога и потому беседа с ним доставляет глубокое наслаждение, исцеляющее действует на душу.

Я готов писать о нем много; я хотел бы почаще иметь общение с ним, хотя бы только видеть его. И при всем том, как ни парадоксальным покажется Вам это, он убедил меня в превосходстве "черного иночества" своим сдержанным отношением к нему.

Он находит возможным заменить существовавшие до сих пор монастыри трудовыми братскими артелями, видимо, отдавая преимущество трудовой, но, конечно, соединенной с молитвой и целомудрием жизни среди мира, служению ближним и проч... Все, что он говорил, само по себе, конечно, хорошо и похвально, но для меня было неожиданностью встретить в нем непонимание и недооценку идеалов черного иночества. С печалью думал я, что если и такие избранники, как отец Иоанн, не вполне понимают смысл черного монашества, то что же ждать от других.

Я думал, неужели Господь отымет от человечества эту, по выражению преподобного Феодора Студита, третью благодать (первая – крещение, вторая – покаяние, третья – монашество)? Неужели действительно пришел срок, когда величайшая, поистине неземная культура будет отвергнута человечеством? Посещение отца Иоанна еще и в том отношении было для меня полезно, что теперь мне особенно дорого стало монашество (монашество, а не целибат, возможный и среди мира).

Я не монах, а мечтатель о монашестве. Монашество я понимаю как особую форму любви. Любовь возможна различных видов. Иногда она радуется и делает жизнь среди людей приятной и плодотворной. Но возможна и такая форма любви, которая мучит и тяготит и делает жизнь нестерпимо тяжелой, доколе она не достигнет своего последнего желанья, и пути к достижению которого избирает она необычные.

Жизнь, надо полагать, всякого человека настолько сложна, что даже при самом сосредоточенном внимании человек не в состоянии понять совершающихся в нем процессов, а быть может, что и самая эта сосредоточенность на себе приводит к еще большему недоумению, к более глубокому чувству тайны жизни.

Наблюдения и опыт показывают, что страдания являются почвой, на которой только и может произрасти большая любовь. Впрочем это сопряжено с опасностями и возможностью извращений.

Различны призвания, различны и пути. Вот одна из возможностей.

Неудовлетворенность данной действительностью и искание иной жизни, подлинной, вечной. Посещение благодати, которая с великой силой восхищает человека в иной мир, божественный, в неизреченном свете показывает ему, дает приобщиться вечности. Затем уже с измененным сознанием, как познавший закон вечной божественной жизни – а именно любви к Богу и ближнему – человек оставляется на подвиг в этом мире.

Все силы сосредоточиваются на сообразовании внутренней жизни сердца с познанным законом, и тут начинается Крестный путь. Свет виденный отошел, уязвив сердце и оставшись в уме лишь в форме отвлеченного познания о законах вечной жизни. Просвещенный таким образом ум начинает созерцать великую трагедию падения человека и созерцается нами эта трагедия в нашем же сердце. Оказывается, что оно полно совершенно противных чувств и расположений. Нет такого зла в мире, которого не находилось бы в нашем сердце, и это иногда в страшных размерах. Видеть это в себе, конечно, не доставляет радости. Сознать себя заживо во аде – о, как скорбно. По мере роста сознания болезни растут и жажда спастись.

Сознание же, что судьба братьев моих подобна моей, рождает в сердце сострадание к ним и понуждает молиться не о себе только, но о всех. Господи... помилуй нас, то есть всех нас людей, без исключения.

И скажу Вам странную вещь, которая, быть может, покажется Вам извращением. Забота "о всех" делает неудобным служение отдельным лицам и заставляет как бы удаляться от них. Получается какое-то увлечение чем-то абстрактным. Впрочем, думаю, "все" не есть абстракция. Преобладающим, однако, количественно содержанием жизни души является недоумение и ожидание. Положительно ничего не понимаешь, ничего не можешь. Кругом мрак. Нет того света, который был в начале, и только мучительное ожидание, когда же этот мрак преложится и станет светом. Господи, когда же... доколе?

Другое побуждение к монашеству – желание постоянной молитвы. Любовь к молитве привела большинство в монастырь. Под величайшей же культурой я разумел умное делание. Сущность умного делания: Господь сказал, что в сердце рождаются, из сердца исходят помышления... Желание соблюдать заповеди Господни заставляет все внимание сосредоточить на сердце. Ум безвидный безмолвно внимает сердцу... Вся тайна в этих немногих словах.

Можно по этому поводу много философствовать о том, что Бог созерцается чистым умом, что доколе не совлечется человек умом всего тварного, не может зреть Бога, и прочее многое. Характерным для нашего православного "мистицизма" является сосредоточение всех сил на соблюдении нравственных евангельских заповедей, и именно чрез погружение в мир нравственный-духовный достигается совлечение мира естественного. Подобное совлечение доходит до полной потери чувства не только окружающей нас вещественности, но и самого тела нашего, как сказано: не знаю, в теле или вне тела. Причем это происходит так тихо, нежно (не знаю, как и выразить), что человек совершенно и не замечает, как это происходит, а лишь после молитвы "открывает" "догадывается" что произошло с ним.

Всякий иной путь, например, механического отвлечения ума от вещества (то есть от представления чего-либо вещественного), от помышлений, погружение во мрак безмыслия, без того направляющего начала, о котором я сказал выше, считаю несвойственным православной аскетике.

Кажется, слишком много я написал. Вы все это знаете, но как бы споря (однако с любовью) с отцом Иоанном, я изложил свои мысли о черном иночестве. (Вы знаете, надеюсь, что отец Иоанн Шаховской уже давно написал книгу о "белом иночестве", то есть в миру)...

Вы знаете нашу обстановку. Я боюсь советовать Владимиру приехать на Афон хотя бы и временно. Кто ни придет – разочаровываются. Один соблазн, ни следа подлинного монашества, даже человеческого благообразия. К тому же нет возможности оградить посетителей от нелюбезностей всякого рода со стороны

Православие – свидетельство истины. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org "администрации" нашей. Отец Иоанн Шаховской уехал так скоро отчасти, думаю, потому, что ему, постриженцу нашего монастыря, отказали в церковном общении.

Отец Силуан правду говорит, что мы не по-монашески живем, потому и не должно удивляться, что люди избегают общения с нами, как дела бесполезного...

Афон 10 (23) сентября 1936 г.

Христианство и Церковь

Итак, ты думаешь, что я тебя не пойму. Первое, что, как мне кажется, я должен понять – это твое желание освободиться от тех уз, которые на тебя налагало иерейство и монашество. И это так легко понять. Сколько раз я сам переживал и переживаю еще тесноту и тяжесть этих оков. Достаточно самого поверхностного ознакомления с канонами Церкви и законами государства о монашестве и священстве, чтобы понять, как мы стеснены до последней степени, до форм гонения. Отречение от мира – мир отомщает нам отвержением и изгнанием и ненавистью. Особенно монашеству. Монашество гонится даже церковными властями. Хочется спросить, на каком основании, по какой причине все это предпринято против нас? Разве нам даны какие-либо особые права и преимущества, чтобы связать нас соответствующими обязанностями? И мне известны случаи, когда иереи и монахи, возмущенные бессмысленными садистическими издевательствами владык и иных церковных властей, отказывались от священства и рясы, но не от Христа. Отказывались, чтобы жить свободно во Христе, стоять в той свободе, в которую, как говорит апостол Павел, нас искупил Христос. И если это ощущают греки и русские, то тем более ты – англичанин – должен переживать это более остро и болезненно.

И если сказать о себе, почему я до сих пор терплю все это, или что дает мне силу терпеть, или каким способом я борюсь, подобно тебе, за свою внутреннюю духовную свободу, то исповедую тебе и это. По моему глубокому убеждению (не только вере), христианство не может быть бесцерковным – будем ли мы рассматривать Церковь как мистическое тело Христа или как историческое явление – общество христиан. Состояние членом последнего – то есть общества христиан, неизбежно налагает известные обязанности внутренние и внешние. Неизбежно – считаться с состояниями и требованиями сочленов. Мой метод в борьбе за свободу – предельное возможное для меня удаление и самоограничение. То есть я вяжу самого себя так крепко, чтобы мне не ощущать налагаемых на меня церковью и обществом оков. И это считаю нужным делать, чтобы мне не потерять того, что положительного дает мне Церковь, сохранения при том возможную свободу. Что же дает мне Церковь? Таинства: крещение, покаяние, причащение, священство и прочее. Чрез Церковь я, в доступной мне мере, становлюсь наследником величайшей в истории человечества культуры. Чрез Церковь и в Церкви я чувствую постоянно самую живую связь со святым Иоанном Богословом и апостолом Павлом и апостолами, со святым Афанасием, Василием и другими Отцами, с преподобными Антонием и Сисоем, с преподобными Макарием и Исааком, с преподобными Максимом и Симеоном Новым Богословом, со святым Григорием Паламою, преподобным Серафимом Саровским. Они – мои, родные. Но я воспринял их в церковном ряду. Вне Церкви – связь с ними ослабляется. Пусть в меньшей мере, но я живу единою с ними жизнью. Чрез Церковь в моем сознании я ношу образ Христа распятого по безмерной любви за наши грехи. Образ, который постоянно кротко, но сильно влечет к себе душу! И вот все это дает мне силу терпеть многое уродливое и извращенное, что мы постоянно встречаем в церковной среде. Я говорил об удалении своем от церковного общества. Но нередко мы видим в истории Церкви возвращающихся в эту невежественную духовно среду, чтобы по примеру Христа – положить душу свою за братию свою. И это опять-таки в Церкви. Много отрицательного, уродливого, связующего, но все же еще более положительного. Мне кажется, что выход из Церкви ради свободы в конечном итоге приведет к ущербу. Лично я могу констатировать, что в своем последнем стремлении стяжать любовь Христову – душа остается свободною при всех оковах, налагаемых на монаха Церковью и обществом – миром.

Ты говоришь: "Внутренней борьбой я приобрел какую-то духовную свободу". Дерзаю сказать – не думаю, чтобы твоя свобода была большею, чем та, которую я имею на пустыне. Но когда я возвращаюсь в среде других монахов, я действительно приноравливаюсь к строю их жизни<...> Но я глубоко переживаю самую тесную, неразрывную связь нашей аскетической жизни с догматическими основными положениями. Так например, когда я знакомлюсь с католической

Православие - свидетельство истины. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org доктриной Иоанна de la Croix, я вижу его связь с августиновским учением о последствиях грехопадения. Когда я знакомлюсь с Шлейермахером, я не могу не обратить внимания на то, что его бездогматическое христианство, бездогматическая вера – привела его к тому, что он пантеистическое мироощущение Спинозы охарактеризовал как классическое выражение религиозной жизни (разумеется, подлинной, истинной). Вообще опыт и изучение ясно показывает самую тесную связь внутренней духовной жизни с догматическими воззрениями (теориями).

Я лично считаю необходимым быть очень осторожным. Я верую во Христа. Я верю Христу. Я связан любовью Христа. Я доверяю Христу, которого познал в Церкви. Когда-то искание "подлинного бытия" привело меня на Афон. Теперь я всеми силами души желаю уподобиться хоть в наималейшей мере Христу, потому что в Нем для меня заключена подлинная, вечная, божественная жизнь; искать же я перестал.

8/21 августа 1945 г.

О единстве догмы, аскезы и экклезиологии

Ты отодвинул от себя "чувство трагического характера человеческой духовной жизни". И я по временам делаю то же самое. Я закрываю глаза, закрываю свои чувства, чтобы не видеть бытия человеческого, которое для меня в пределах этого мира представляется действительно трагическим. Делаю так, когда изнемогает душа моя, когда нестерпимо заболевает сердце мое. Но когда после некоторого отдыха я снова открываю их, то снова, иногда с еще большей остротой и напряженностью, я вижу все ту же глубокую трагедию. Думаю, что и ты лишь на время сможешь отойти от этого страшного, томящего видения, а потом снова невольно вернешься к нему, потому что это не просто идея, создание большой фантазии, а сама суровая действительность. При этом самым трагическим мне представляется не то, что люди вообще много страдают, а то, что умирают, не познав Бога.

[Ты пишешь:] "Старание во всем заключить себя в исключительных конфессиональных рамках ослабляет у меня всякую религиозную веру, делает непонятным и недействительным в моем сознании отношение Божией любви и Божьего промысла к человечеству как целому". И для меня между благовестием: Бог есть любовь (1 Ин. 4:8), с одной стороны, и созерцаемыми в пределах этого мира судьбами человечества, с другой, заключено великое противоречие. Но я не думаю, чтобы удаление от Церкви могло подействовать его разрешению. Подобно тебе и я пребываю в постоянной борьбе за внутреннюю свободу, в постоянном искании разрешения многих противоречий и недоумений. Эта борьба у меня по временам принимает характер "борьбы" с самим Богом (при всем сознании моего последнего ничтожества). Иногда я молюсь с кротким плачем, а часто, как безумный, спорю, настаиваю, требую, ругаюсь, почти богохульствую... Но при всем том<...> я люблю Бога до последней глубины моего существа и Ему отдаю последний суд, потому что Он располагает бесконечными возможностями за пределами этого мира. Любовь к миру, к человеку меня толкает на "войну" с Богом. Этому духу борьбы с Богом я предоставляю действовать в душе свободно и наблюдаю, как он, достигнув некоторой непоколебимой стены, падает разбившись, и тогда убеждаюсь, что еще глубже люблю я Бога<...> В конечном итоге, каковы бы ни были судьбы всего человечества, всего мира, всей твари, Бога я люблю единственной подлинной вечной любовью.

Тысячи раз в душе моей происходила сильная борьба, но всегда побеждала любовь Христова, так что и я, до некоторой степени, могу повторять слова апостола Павла: "Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим. 8:38-39).

Недавно я писал тебе, что я перестал искать Бога. Единственно, что я ищу, – это как-то хотя бы в малейшей мере внутренне уподобиться и усвоиться Христу. Я хочу познать хоть отчасти, хоть в самой малой мере переживать так, как Он, Господь, переживал единство любви к Богу и человеку. Для нас, в пределах этой жизни, эти две заповеди в полноте несогласуемы. Любя Бога, служа Ему, я отхожу от ближнего, забываю его. Любя ближнего, служа ему, я или забываю Бога, или удаляюсь от Него или даже вражду. И потому неудержимо влечет к Себе образ несравненного Христа, сочетавшего и ту, и другую любовь и в ней указавшего нам закон вечного подлинного бытия. Я не

Православие – свидетельство истины. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org ищет теперь какого-то непонятного, расплывчатого, безличного вечного бытия, какого-то "неведомого Бога"; Бог и вечное бытие в предельной конкретности мне даны во Христе. Этого Христа ищу я, то есть Ему уподобиться и усвоиться. Когда, при сознании своего крайнего недостойнства, я все же молюсь Ему, то от напряжения этой молитвы собирается воедино все мое существо, то есть и душа, и тело, то есть ум, сердце и все члены тела, даже кости, – все от напряжения как бы оцепеневаает, изменяется дыхание. Так сильно и неудержимо влечет к Себе Христос душу, всего человека. Христос, Которого мне дала Церковь. Ни единым средством, содействующим единению со Христом, не пренебрегаю. Но разве возможно где-либо вне Церкви найти большее богатство этих средств? В Церкви я имею Бога воплощенного, так что, [во Святом причащении] Бога мы едим и пьем, Богом, Словом Его мы дышим. Именем Его, Словом Его, властью Его мы совершаем таинства, и эти таинства не суть какие-то лишь символы, но воистину реальность. Это же так очевидно чрез весь опыт.

Моя мысль проста, но, быть может, нелегко ее передать, потому что я не знаю, о чем нужно сказать, чтобы не обременить тебя излишними словами. Ты не удостоил меня в полноте твоего доверия. Я больше доверяю тебе себя. Ты полагаешь, что я не пережил того опыта, который дан тебе в настоящее время, и потому не смогу тебя понять, а буду так просто, по конфессиональному фанатизму оскорблять то святое, что ты испытал. Но как ты "готов слушать со вниманием мое мнение", так и я вполне готов с любовью выслушать все, что бы ты ни сказал. Если я, Бог свидетель, всегда бескорыстно готов тебе отдать все, что имею по любви во Христе, то и ты, если нашел что-либо большее и лучшее того, чем обладаю я, потрудись то передать и мне.

Трех вещей я не понимаю:

1. адогматической веры,
2. бесцерковного христианства,
3. безаскетического христианства.

И сии три – Церковь, догмат и аскетика (то есть христианский подвиг) – для меня единая жизнь. Мне кажется неправильным претендовать на то, чтобы в Церкви все было "по-нашему". Когда ты говоришь о тесноте конфессиональных рамок, я понимаю тебя. И я тысячи раз переживал и переживаю стеснения, но их терплю, потому что от Церкви я имею и положительные дары. Аскетика (то есть духовный подвиг и упражнения) неотъемлема не только от всех известных истории религий, но и вообще от всякой человеческой культуры. В основе всякой аскетики по необходимости лежит та или иная идеология (догмат). Всякая религия – язычество, иудейство, магометанство, пантеизм, христианство – имеет свою аскетическую культуру, отличную от других, и это различие обусловлено различием догматических представлений. Я думаю: ценою личного подвига и внимательного изучения нужно приобрести знание теоретической основы аскетизма, чтобы иметь возможность свободно и разумно пользоваться различными существующими аскетическими средствами, чтобы существующие формы аскетических упражнений слить в единое целое.

В идеале – нужно как-то знать всю совокупность аскетических видов, форм, методов, средств, чтобы приобрести некоторую внутреннюю свободу, чтобы не впадать в чуждые христианству сферы. Из таких "чуждых" сфер в настоящее время, полагаю, наиболее опасной для христиан является пантеистический мистицизм. В идеале нужно как-то знать всю последовательность духовного возрастания, восхождения от низшего и меньшего к высшему и большему, чтобы обеспечить непреткновенное преуспевание. Нужно знать "иерархию" духовных ценностей, чтобы не поставить низшее над высшим и тем неисправимо положить конец восхождению. Пример превращения "иерархии" духовных ценностей – Огюст Конт, который думал, что он открыл закон исторического развития ума. По нему человеческий ум проходит три последовательных стадии развития мировосприятия: теологическую, метафизическую и позитивную. В духовной жизни очень часто приходится встречаться с явлением "превращения иерархии". В таких случаях я вспоминаю уроки гимнастики в детские годы, когда, повиснув на трапеции вниз головой, видишь "внизу" (под ногами) – потолок, а сверху над головой – пол с различными предметами...

О необходимости аскетического подвига

[Ты пишешь:]: "Мой образ жизни совсем не аскетический... главный интерес –

Православие – свидетельство истины. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org уйти внутрь". Здесь ты несколько отступил от обычной терминологии. Я тебя понял так: ты решил отказаться от отрицательной формы аскетизма и хочешь остановиться только на положительной (этого в свое время искал и отец Лазарь – Эдгар Мур). Идеологически это представляется нам как нечто более совершенное, но опыт показал, что положительное действие – возрастание в добре, положительная форма – любовь, – в пределах этой жизни по необходимости встречается с отрицательной формой аскетического действия, то есть с борьбой с действующим в нас "законом греха".

"Весь мир лежит во зле" (1 Ин. 5:19). Зло, этот "закон греха", приобрело силу действующего закона невозрожденной жизни нашей психофизической природы. Процесс возрождения, преобразования нашей жизни есть соединение двух аскетических активностей – активности Бога и активности самого человека. Вторая, как подвиг человека, принимает иногда отрицательную форму (пост, воздержание, целомудрие, бдение, нестяжание, послушание – отсечение своей воли, нелюбоначалие и прочее), иногда же положительную форму. Чем большего напряжения достигает сия последняя, выражающаяся в постоянном устремлении духа к Богу, в молитве, сострадании, любви, тем менее заметной становится отрицательная форма, частично отпадая, но не переставая, однако, существовать. В начале процесса духовного роста, в начале процесса аскетического обучения по необходимости преобладает отрицательная форма, потому что положительное аскетическое действие есть искомое, цель. Начать с нее своею волею мы не можем. Она есть дар. И когда этого дара удостаиваются некоторые прежде подвига отрицательной формы, то, как показал опыт многих веков, все же через некоторое время дар этот отыметя, и тогда в поисках "потерянного рая" христианин предается и отрицательному аскетизму в большей мере, чем не получившие дара.

О росте духовного сознания

[Ты пишешь:] "Не знаю, причинит ли тебе лишь скорбь и недоумение перемена в моих убеждениях".

Для меня несомненно, что ты переживаешь подлинное оживление твоей духовной жизни, и этому я глубоко радуюсь. Однако весь ряд высказанных тобой в письме мыслей меня наводит на предположение, что происходящее в твоей душе есть лишь начало подлинно религиозной жизни. И именно начало, какой бы силы ни достигали твои настоящие переживания. И если человек с этого начинает, то это должно приветствовать. Но если он на этом остановится (как на чем-то совершенном), то это уже будет "прелестию". Шлейермахер сделал именно эту ошибку. Он попытался "догматизировать" именно эту начальную форму религии, неясное, неконкретное "томление духа", искание Бога, устремление к Богу, жажду подлинного бытия, без положительного осознания, в чем оно. Предел этой формы – потрясающее чувство прикосновения к Великому Вечному Бытию. Все этого рода религиозные переживания человеческого "я", имеющие характер весьма напряженной жизни самой глубины человеческого духа, – известны и вне христианства, в опыте пантеистическом (буддизм, Плотин, теософия и другое). Но ими далеко не исчерпываются переживания христианина.

И потому мне очевидно, что Шлейермахер висел на трапедии вниз головой. Этот несомненно даровитый, но и характерный протестант, отвергший догматическую веру Церкви и "догматизировавший" свой сентиментальный мистицизм – именно в силу последнего впал в чуждую христианству сферу, в то, о чем я уже писал тебе, а именно: чисто пантеистическое мироощущение Спинозы он признал классической формой религиозной жизни. Шлейермахер по существу, по характеру своей мистики несравненно ближе к пантеизму, чем к христианству. Он даже веру в Личного Бога, веру в личное бессмертие не считал необходимым.

Позволю себе повториться. Этот тип мистических переживаний прикосновения к Непостижимой Великой Сущей Реальности, пред которой реальность этого мира уничтожается, – для христианина есть лишь начало подлинной духовной жизни. Это начальное переживание (знакомое и пантеистам) Шлейермахер (подобно теософам и вообще всякого рода пантеистам) счел конечным искомым и потому отверг не познанную им, как должно, ту последнюю конкретность, в которой и с которой Церковь предала нам откровение о Божественном вечном бытии.

О православной культуре

[Ты пишешь]: "Я остался православным в культурном смысле слова", а вместе с тем "я перестал верить многим православным догматам", и еще: "мой образ

Православие – свидетельство истины. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org жизни совсем не аскетический”.

В чем же тогда православная культура?

Мне кажется, что если отвергнуть православный Символ веры и веками жизни во Христе приобретенный аскетический опыт, то от православной культуры останется только греческий минор и русская тетрафония.

От твоих слов создается впечатление, что ты тесным рамкам Церкви предпочел протестантскую свободу.

О естественном разуме и вере

Ты пишешь: "Внутренней борьбой я приобрел какую-то духовную свободу". В этой борьбе одержал победу естественный разум. Опыт истории показал, что естественный разум, предоставленный самому себе, роковым образом приходит к пантеистическому мироощущению и мистике. Если же это происходит в душе христианина, не желающего все же отказаться от Христа подобно Льву Толстому, то он приходит к протестантскому рационализму или спиритуализму, мистически приближающемуся к пантеизму. Я как-то внутренне убедился, что отказ от Церкви приведет к отказу от проповеди апостолов. "О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами... что осязали руки наши, о Слове жизни, ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь..." (1 Ин. 1:1-2).

"Слово плоть бысть". Именно этого воплощенного Логоса – видимого, слышимого, осязаемого – проповедует Церковь в своих догматах. Предельная конкретность. Тело и кровь Христа – на литургии. Разве ты не переживал никогда этого при служении литургии? Икона... Освящение плоти святых, столь очевидное, когда Дух Святой с силою действует в них. Отсюда – мощи, так непонятные, так соблазняющие спиритуалистов.

Ты все это знаешь. И если я говорил об этом, то не потому, что считаю тебя несведущим, но потому что я сам живу тем, о чем пишу. Представь себе молодую девушку, мечтающую о женихе и браке. В своих мечтах она рисует образ жениха благородного, красивого, умного, героя. С бьющимся сердцем, с восторженными глазами она воображает и брак, и сладость поцелуя. И сладки ей эти мечты... В то же время другая, подобная ей девушка действительно вступила в брак с прекрасным женихом. И она в свое время жила мечтами. Первая в свои бессонные ночи новой жизни, конечно, не породит, но ее мечтательные переживания все же будут как-то похожи на переживания действительного брака второй. Таковым теперь мне представляется различие пантеистической мистики от христианской жизни в Боге...

22 августа/4 сентября 1945 г.

Примечания

1

В предшествующем письме Д. Бальфур поделился с о. Софронием своими восторженными отзывами о христианской общине "Жизнь" в Афинах

2

Отец Софроний и старец Силуан.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!